

*Е. А. Григорьева***РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ОБУВЬ»
В РУССКОЙ И ЧУВАШСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА***Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Статья посвящена выявлению национально-культурной специфики русской и чувашской языковых картин мира путем сопоставительного семантического анализа лексических единиц и фразеологических оборотов, представляющих лексическую категорию «обувь» в обоих языках. Работа выполнена в русле актуальных направлений языкознания – лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, и посвящена важнейшей проблеме современной антропоцентрической лингвистики – реконструкции этнических языковых картин мира. Актуальность исследования заключается в недостаточном изучении репрезентативных возможностей лексической категории «обувь» в чувашской языковой картине мира, а также в отсутствии основательных сопоставительных исследований данной лексической категории в русской и чувашской культурах. Источниками для сбора языкового материала послужили толковые, фразеологические, диалектные словари, а также русские и чувашские фольклорные сборники. При осуществлении исследования автором использованы следующие методы: сплошная выборка языковых примеров, анализ словарных дефиниций, концептуальный и контекстологический анализы, сопоставительный метод. В результате исследования выявлено, что языковые единицы, представляющие лексическую категорию «обувь», обладая богатыми ассоциативными связями, выступают в качестве важного элемента культуры и русского, и чувашского народов. Изучение языкового материала позволяет сделать вывод о том, что обувь в обоих культурах часто соотносится с материальным благополучием и социальным статусом обладателя. Кроме того, многие лексемы, называющие обувь, в сравниваемых языках ассоциируются с людьми, обладающими теми или иными нравственными качествами (чаще отрицательными, такими как грубость, невежественность и т. п.). Также в результате исследования выявлены национально-культурные особенности как русской, так и чувашской языковых картин мира.

Ключевые слова: *лексическая категория, национально-культурный контекст, обувь, репрезентация, русская языковая картина мира, чувашская языковая картина мира*

*E. A. Grigoryeva***REPRESENTATION OF THE LEXICAL CATEGORY “SHOES”
IN THE RUSSIAN AND CHUVASH LANGUAGE WORLD VIEWS***I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia*

Abstract. The Russian and Chuvash language world views are considered in the article by means of a comparative semantic analysis of the Russian and Chuvash lexical units and phraseological phrases representing the lexical category “shoes”. The research was carried out in line with the current directions in linguistics – linguoculturology and cognitive linguistics, and is devoted to the most important problem of modern anthropocentric linguistics – the reconstruction of ethnic language world views. The relevance of the research lies in the insufficient study of the representative potential of the lexical category “shoes” in the Chuvash language world view, as well as in the absence of thorough comparative studies of this lexical category in the aspect of the Russian and Chuvash language world views. The sources for the collection of linguistic material were explanatory, phraseological, dialect dictionaries, as well as Russian and Chuvash folklore collections. In carrying out the research, the author used the following methods: the

method of continuous sampling of language examples, analysis of dictionary definitions, conceptual and contextual analysis, comparative method. As a result of the study, it was revealed that the linguistic units representing the lexical category “shoes”, having rich associative connections, act as an important element of the culture of both the Russian and Chuvash peoples. The study of the linguistic material allows us to conclude that shoes in both Russian and Chuvash cultures are often correlated with the material well-being and social status of the owner. In addition, many lexemes naming shoes in the compared languages are associated with people possessing certain moral qualities (more often negative, such as rudeness, ignorance, etc.). Also, as a result of the study, national and cultural features of both Russian and Chuvash language world views were revealed.

Keywords: *lexical category, national and cultural context, shoes, representation, Russian language world view, Chuvash language world view*

Введение. Современные лингвистические исследования направлены на изучение языка в тесной связи с человеком, его мышлением и мировосприятием. Новая методологическая установка в науке о языке, ставящая в центр человека мыслящего и говорящего, впервые была обоснована выдающимся европейским лингвистом XIX в. В. фон Гумбольдтом, утверждавшим, что каждый язык, обладая духовным началом, формирует мировоззрение народа [8, с. 51]. Идеи, высказанные философом, были поддержаны А. А. Потебней, И. А. Бодуэном де Куртенэ, Б. Уорфом, Э. Сепиром и другими учеными. В современном языкознании проблемы соотношения языка и мышления, языка и культуры получили свое развитие в ряде дисциплин, представляющих антропоцентрическую парадигму в науке. Наибольший вклад в решение указанных проблем привнесли исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике.

Настоящая работа входит в круг семантических исследований языка. Цель работы заключается в выявлении национально-культурной специфики русской и чувашской языковых картин мира путем сопоставительного анализа русских и чувашских лексических единиц, а также фразеологических оборотов, представляющих лексическую категорию «обувь». Необходимо отметить, что репрезентативные возможности анализируемой категории в аспекте чувашской языковой картины мира не изучены. Кроме того, отсутствуют и основательные сопоставительные исследования рассматриваемого явления в русском и чувашском языках. Все это позволяет определить научную новизну работы. Теоретической основой исследования выступили труды ученых, предметом изучения которых стала этнически обусловленная специфика языковых картин мира: Ю. Д. Апресяна, А. Вежбицкой, О. А. Корнилова, Е. С. Кубряковой, З. Д. Поповой, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина, В. Н. Телия. Изучение фрагментов чувашской языковой картины мира в сравнении с русской осуществлено Л. В. Борисовой ([3], [4], [5], [6], [7]).

Обувь является важнейшей частью материальной культуры любого народа, поэтому ее наличие может свидетельствовать о социальном положении человека, указывать на его материальный достаток, нравственные качества (чаще отрицательные). Богатые репрезентативные возможности указанной лексической категории также обусловлены тем, что наименования обуви представлены в молитвенных, обрядовых текстах, а также в народных песнях, пословицах и поговорках. Вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что сопоставительное исследование значений языковых единиц, представляющих лексическую категорию «обувь», позволит раскрыть особенности мировидения русского и чувашского народа. Анализируемую лексическую категорию мы будем определять как «класс однородных языковых единиц, обладающих общей семантикой (сема “обобщения”), образующих некоторое общелексическое понятие и имеющих свое материальное выражение в данном языке» [1, с. 65].

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена рядом причин: во-первых, исследование выполнено в русле актуальных направлений языкознания – лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, и посвящено важнейшей проблеме современной антропоцентрической лингвистики – реконструкции этнических языковых картин мира; во-вторых, сопоставительных исследований, в которых одним из сравниваемых языков был бы чувашский язык, относительно немного, следовательно, изучение репрезентативных возможностей лексической категории «обувь» в чувашской языковой картине мира позволит определить важнейшие культурные доминанты и аксиологические установки этого народа, а сравнение с русской языковой картиной мира позволит дополнить и углубить исследования обеих.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили языковые примеры, отобранные из толковых, фразеологических, диалектных словарей, а также контексты, извлеченные из русских и чувашских сборников народных песен, пословиц, поговорок. При осуществлении исследования автором использованы следующие методы: сплошная выборка языковых примеров, анализ словарных дефиниций, концептуальный и контекстологический анализы, сопоставительный метод.

Результаты исследования и их обсуждение. Обувь – важная часть культуры каждого народа. Ношение той или иной обуви часто указывает на социальный статус человека и его материальный достаток. Так, считается, что сапоги могли позволить себе купить только состоятельные люди с высоким социальным положением. В связи с этим и в русской, и в чувашской языковых картинах мира за лексемой **сапоги** (чув. атă) закрепилось значение богатства, статусности, благополучия: *В сапожках ходит* ‘прост., устар. дорого стоит’ [27]; *Хороши полусапожки, да не на наши ножки* ‘о недоступности сапог для бедных людей’ [11]; *Атăлла ача пушмакля хёре пăхат, пушмакля хёр атăлла ачана пăхат* ‘Парень в сапогах смотрит на девушку в башмаках, а девушка в башмаках смотрит на парня в сапогах’ [29]. Ср. также строки чувашской народной песни: *Пуян сынсем атăна; / Такăнсан та килёшет, / Такăнмасан та килёшет* ‘Богатые люди в сапогах; / Когда спотыкаются, нравятся, / И когда не спотыкаются, нравятся’ [30].

Лапти (чув. çăпата), напротив, носились людьми небогатыми, нуждающимися, поэтому в русском и чувашском языках, как правило, они ассоциируются с крестьянской бедностью, нищетой: *Трясти лаптями* ‘Омск., Тарск., Tobол. одеваться бедно’ [16]; *Месты лаптями* ‘Сиб. нищенствовать’ [16]; *Лаптем ци хлебать* ‘жить в нужде и нищете’ [16]; *Обулся из сапог в лапти* ‘обеднел’ [11]; *Нуша çăпата пуçе çине ларса йёрет тет* ‘Нужда сидит на носке лаптя и причитает’ [29].

Частотны в русском и чувашском языках выражения, содержащие противопоставление сапога (богатого человека) лаптю (бедному). Наиболее ярко оно выражается в пословичном фонде сравниваемых языков: *Сапог лаптю не брат (не дружка, не чета, не ровня)* [10]; *Сапоги с охоты, а неволя и лаптям рада* [9]; *Суженый богатый, ступи сапогом: суженый бедный, лаптем* (гаданья девушек) [10]; *Атăна çăпата юлташ мар* ‘Сапог с лаптем не друзья’ [29]; *Атă çăпатапа паллашаймасть* ‘Сапоги не водят знакомства с лаптями’ [28].

Культурная семантика слова **сапог** (чув. атă) в русской и чувашской языковых картинах мира осложняется концептуальным значением щегольства: *Ножка об ножку постукивает, сапог о сапог пощелкивает* [10]; *Сапог не ломает, чулок не марает* [10]; *Атă кёллисене пётём вайёне шат-шат! шатлаттарса утса сўрет* ‘Ходит, постукивая каблучками сапог’ [2]; *Çенё атă тăхăнса янă та кăчăрт-кăчăрт тутарса сўрет* ‘Новые сапоги обул, ходит да постукивает’ [2]. Сходным культурным значением щегольства обладает и русское диалектное слово **вытяжки** (кожаные цельнокроенные мужские или женские сапоги с одним задним швом): *Вытяжка опять уж вырядилась* ‘Свердл. ирон., шутил. о женщине, которая любит щеголять’ [13].

Значение богатства, статусности, щегольства в русском языке закрепилось и за диалектизмом **коты** (кожаная женская обувь, похожая на ботинки): *В котях щеголяет* ‘дорого стоит’ [15]. Это же значение заключено в производном слове *котовница* (женщина, которая носит коты, а не лапти): *Там Анна хороша – котовница, башмошница* (песня) ‘Ряз. о девушке, любящей щеголять’ [15].

Валенки, как и сапоги, считались дорогой обувью, поэтому в русском языке за лексемами *валенки* и *сапоги* закрепилось значение ценной вещи, в отличие от галош / калош и лаптей, ассоциирующихся с дешевым, менее ценным предметом. Сравните: *Поменять валенок на галошу* и *Променять сапоги на лапти* в значении ‘совершить невыгодный обмен’ [9]. В чувашской языковой картине мира сапоги также соотносятся с дорогой вещью, а лапти – с предметом, не представляющим ценности: *Аттӑна тӑхӑн та, ҫӑпата та кӑларса ан пӑрах* ‘Обувая сапоги, лапти не выбрасывай’ [29].

Галоши / калоши (чув. калуш) в чувашской культуре, в отличие от русской, олицетворяют богатство и ассоциируются с дорогой, недоступной для простого народа вещью. Подтверждение этому находим в чувашских народных песнях: *Лавккана калуш килӗ / Пуян хӗрӗсем валли. / Пушӑт касса ҫӑпата тӑваҫ / Хресчен хӗрӗсем валли* ‘В магазине есть галоши / Для богатых девушек. / Лыко собирают и лапти делают / Для крестьянских девушек’ [30]; *Пирӗн хуҫа калуша, / Калуш пулат хӑпӑкра, / Хӑпӑк хуҫи Митраппан, / Унта ёҫлет Кирукка. / Эпӑр хуҫа пулас ҫук, / Калуш урана кӗрес ҫук* ‘Наш хозяин в галошах, / Галоши делаются на фабрике, / Хозяин фабрики Митрофан, / Там работает Кирилл. / Мы не будем хозяевами, / Галоши не сможем носить’ [30].

Лапти (чув. ҫӑпата) и в русской, и в чувашской культурах связываются с каким-л. делом, не требующим больших усилий: *Жениться – не лапоть надеть* [10]; *Жизнь изжить – не лапоть сплести* [9]; *Как в лапоть готовый ступить* ‘оказаться на полном обеспечении, не прилагая усилий; прийти на все готовое’ [21]; *Пысӑк хуҫалӑха тытса тӑрасси ҫӑпата хуҫасси мар* ‘Большое хозяйство держать – не лапти плести’ [29].

Заметим, что устойчивое сочетание «плести лапти» в русском языке имеет дополнительные значения: 1) ‘Обманывать жену, мужа’ *Лапти плетет, а концов хоронит не умеет* [9]; 2) ‘Делать что-либо нехотя, кое-как’ [19]. Кроме того, лапоть в сознании русского человека соотносится с чем-то простым и понятным: *Местность в лапоть известна* в значении ‘совершенно, вполне понятно’ [16].

Лапти в русском и чувашском культурах вызывают ассоциации с бездельем. Сравните: *В лапоть звонить* ‘бездельничать’ [10]; *Повесить лапти на телефон (телеграф)* ‘перестать работать’ [19]; *Кахал ҫӑпата сырӑн ҫӗре ёҫчен ёҫне туса пӗтерӗ* ‘Пока лентяй обувает лапти, трудолюбивый человек заканчивает свою работу’ [31].

Только в чувашской языковой картине мира с **лаптем** связан мотив возмездия и расплаты: *Ар ҫинчи ҫӑпата кантри ҫӗрмес теҫҫӗ* (досл.: Лапти, находящиеся на мужчине, не гниют) в значении ‘за сделанное человеку зло будет отместка, расплата’ [2]. Также лексема **ҫӑпата** (рус. лапти) содержится в чувашской молитве, которую читают новорожденному: *Ватӑличчен, йӑтӑличчен пурӑнмалла ту, ҫӑпатине кутӑн сыракан пуличчен усра* ‘Живи до старости, до тех пор, пока лапти не начнешь обувать задом наперед’ [2]. В связи с этим можно заключить, что лапти в сознании чувашей могут ассоциироваться с долгой, счастливой жизнью. В русском языке, напротив, лексема **лапоть** может актуализировать значение смерти: *Кверху лапоть* ‘умереть’ [14].

Отметим также, что языковым сознанием русских и чувашей **лапоть** может соотноситься с добросовестной, праведной жизнью, в то время как **сапог** олицетворяет притворную судьбу и связывается с чем-то неискренним, лживым, напускным: *Правда в лаптях; а кривда, хоть и в кривых, да в сапогах* [9]; *Тӑрри ҫӑпатапа, кукӑрри чалаш кӗлӗллӗ атӑпа* ‘Честный человек мается в лаптях, а лживый человек стучит каблуками сапог’ [29].

И в русской, и в чувашской языковых картинах мира **лапоть** ассоциируется с глупым, невежественным, туго соображающим человеком: *Ах, ты лапоть* 'об отсталом человеке' [25]; *Эх ты, путо, в лапти обуто* 'Костром., Влад. о медлительном, бестолковом человеке' [20]; *Ах, сәпата сәвар!* (досл.: рот лаптем) 'о грубом, бестолковом человеке' [2]; *Шуйттан сәпату!* 'бран. о глупом, грубом человеке' [28]. Производные русские слова *лапотня*, *лапотница* соотносятся в языке с чем-л. грязным и неухоженным: *лапотня* 'Пск. собир. пренебр. о грязных, неопрятных людях' [16]; *лапотница* 'Моск. о чем-либо грязном и неблагоустроенном' [16]. В словах *лапотный*, *лапотон* и *безлапотник* актуализируется значение бедности: *Лапотная деревня* 'нищая, отсталая' [25]; *Безобразие како – с безлапотника дерут* 'Талиц. Свердл. о бедном человеке' [12]; *Лапотоны-то русски* 'Нижегор. презрит. о бедняках' [16].

В русской культуре со значением невежества, глупости ассоциируются также слова **валенок** и **сапог**. Сравните: *Сибирский валенок* 'о недалеком человеке' [24]; *Валенок с завязками* 'о глупом человеке' [24]; *Сам – сапог сапогом* 'о невежественном человеке' [26]. Сходное концептуальное значение глупости, неопрятности наблюдается и в русских диалектизмах **пимы** (меховые сапоги, которые надеваются поверх другой обуви) и **упаки** (кожаные мужские сапоги с высокими голенищами): *Пим дырявый* 'Омск. бран. о глуповатом человеке' [19]; *Упак ты окаянный* 'Черепов. Волог. бран. о бестолковом человеке' [23]; *Небрый, непостриженный, неумытый упак* 'Волог. о неопрятном, грязном человеке' [23].

Отдельную группу составляют русские диалектизмы, называющие старую, изношенную обувь: **отопок**, **осметок**, **оскребок**, **ошлепок** и т. п. В сознании русского народа эти лексемы, как правило, связываются с невзрачным, худошавым, некрасивым человеком: *Ходит отпок, худой, малешкой* 'Черепов. Волог. о худом человеке небольшого роста' [17]; *Такой-то ошлепок, никому не глянется* 'Соликам. Перм. о некрасивом человеке' [18]. В чувашском языке, в отличие от русского, подобные наименования соотносятся с глупым, грубым человеком: *Сёрёк сәпата* (изношенный, старый лапоть) 'бран. о невежественном, грубом человеке' [2].

Кроме того, слова, составляющие лексическую категорию «обувь», в русской и чувашской языковых картинах мира могут ассоциироваться с группой людей / двумя приятелями. Культурная семантика лексических единиц может быть окрашена как положительно (*Тюнь¹ да лапоть* 'Перм. о неразлучных друзьях' [22]), так и отрицательно (*Сук да дрюк, да и лапоть* 'Дон. компания людей с плохой репутацией' [21]; *Два сапога пара и Икё атй пёр майшар* 'о людях, которые похожи по каким-либо качествам друг на друга (чаще по отрицательным)' ([26], [28]); *Арёмёне упайки – пёр каләпри сәпата* 'Муж и жена как из одной колодки лаптей' [31]).

В культурном сознании русского народа с **сапогом** также связан мотив доминирования и власти: *Находиться под сапогом (каблуком)* 'быть в подчинении' [26]; *Под каблук попал. Угодил под пята* [9]. Культурная семантика слова **калоши** / **галоши** в русском языке соотносится с неудачей или смешным, неудобным случаем: *Посадить в калошу (галошу) кого* 'поставить в неловкое, смешное положение'; *Сесть в калошу (галошу)* 'потерпеть неудачу' [27].

Выводы. Таким образом, языковые единицы, представляющие лексическую категорию «обувь», обладая богатыми ассоциативными связями, выступают в качестве важного элемента культуры и русского, и чувашского народов. Исследование языкового материала позволяет сделать вывод о том, что обувь в рассматриваемых культурах часто соотносится с материальным благополучием и социальным статусом обладателя, отражает его нравственные качества (чаще отрицательные, такие как грубость, невежественность и т. п.).

¹ Тюни. Перм., Арх. Любая теплая обувь [22].

В результате исследования выявлены национально-культурные особенности как русской, так и чувашской языковых картин мира. Так, для русских характерна ассоциация галош / калош с дешевым, не представляющим никакой ценности предметом, в то время как у чувашей эта обувь соотносится с вещью дорогой, недоступной многим людям. Только в чувашской культуре с лаптями связан мотив возмездия и расплаты, а их ношение может означать долгую и счастливую жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракин В. Д. Сопоставительная типология скандинавских языков. – М. : Высшая школа, 1984. – 136 с.
2. Аимарин Н. И. Словарь чувашского языка : в 17 т. – Чебоксары : Руссика, 2000.
3. Борисова Л. В., Иванова А. М., Чуева Э. В. Концептуальная оппозиция «правда – ложь» в чувашской и русской языковых картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 7. – С. 2518–2523. – DOI 10.30853/phil20240358.
4. Борисова Л. В., Ильина Г. Г., Чуева Э. В. Предварительный обзор чувашского демониума // Сибирский филологический журнал. – 2021. – № 3. – С. 38–48. – DOI 10.17223/18137083/76/3.
5. Борисова Л. В., Иванова А. М., Чуева Э. В. Репрезентация кластера «одежда» в русской и чувашской языковых картинах мира // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2023. – № 2. – С. 92–100. – DOI 10.20916/1812-3228-2023-2-92-100.
6. Борисова Л. В., Иванова А. М., Чуева Э. В. Соматизмы в языковом моделировании мира (на материале русского и чувашского языков) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2024. – № 1. – С. 90–101. – DOI 10.20916/1812-3228-2024-1-90–101.
7. Борисова Л. В. Чувашская языковая картина мира: подступы к реконструкции и исследованию : монография. – Чебоксары : Изд-во Чувашского ун-та, 2021. – 171 с.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.
9. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2-х т. Т. 1. – М. : Художественная литература, 1989. – 431 с.
10. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2-х т. Т. 2. – М. : Художественная литература, 1989. – 447 с.
11. Русские пословицы и поговорки / М. А. Рыбникова ; Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 229 с.
12. Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т русс. яз. ; под ред. Ф. П. Филина. – Вып. 2. Ба – Блазниться. – Ленинград : Наука, 1966. – 314 с.
13. Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т русс. яз. ; под ред. Ф. П. Филина. – Вып. 6. Выросток – Гон. – Ленинград : Наука, 1970. – 358 с.
14. Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т русс. яз. ; под ред. Ф. П. Филина. – Вып. 13. Калун – Кобза. – Ленинград : Наука, 1977. – 358 с.
15. Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т русс. яз. ; под ред. Ф. П. Филина. – Вып. 15. Кортусы – Куделюшки. – Ленинград : Наука, 1979. – 399 с.
16. Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т русс. яз. ; под ред. Ф. П. Филина. – Вып. 16. Куделя – Лесной. – Ленинград : Наука, 1980. – 376 с.
17. Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т русс. яз. ; под ред. Ф. П. Сороколетова. – Вып. 24. Осець – Отчураться. – Ленинград : Наука, 1989. – 367 с.
18. Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т русс. яз. ; под ред. Ф. П. Сороколетова. – Вып. 25. Отчурить – Первачок. – Ленинград : Наука, 1990. – 352 с.
19. Словарь русских народных говоров / РАН, Ин-т русс. яз. ; под ред. Ф. П. Сороколетова. – Вып. 27. Печечки – Подельвать. – СПб. : Наука, 1992. – 400 с.
20. Словарь русских народных говоров / РАН, Ин-т лингв. Исследований ; под ред. Ф. П. Сороколетова. – Вып. 33. Протка – Разлука. – СПб. : Наука, 1999. – 361 с.
21. Словарь русских народных говоров / РАН, Ин-т лингв. Исследований ; под ред. Ф. П. Сороколетова. – Вып. 42. Стриж – Сухловина. – СПб. : Наука, 2008. – 330 с.
22. Словарь русских народных говоров / РАН, Ин-т лингв. Исследований ; под ред. Ф. П. Сороколетова. – Вып. 46. Тычак – Ужоля. – СПб. : Наука, 2013. – 349 с.
23. Словарь русских народных говоров / РАН, Ин-т лингв. Исследований ; под ред. С.А. Мызникова. – Вып. 47. Ужом – Урос. – СПб. : Наука, 2014. – 352 с.
24. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 1. А – Й / Акад. наук СССР, Ин-т русс. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1985. – 696 с.
25. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 2. К – О / Акад. наук СССР, Ин-т русс. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1986. – 736 с.
26. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 4. С – Я / Акад. наук СССР, Ин-т русс. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1988. – 800 с.

27. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык – Медиа, 2007. – 334 с.
28. Чувашско-русский словарь / под ред. М. И. Скворцова. – М. : Русский язык, 1985. – 712 с.
29. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем / пухса хатĕрлени О. Н. Терентьева. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 2007. – 493 с.
30. Чăваш халăх сăмахлăхĕ : 6 т. Т. 3 Юрăсем / отв. ред. Г. Ф. Юмарт. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 1978. – 512 с.
31. Чăваш халăх сăмахлăхĕ : 6 т. Т. 5 Вак жанрсем / отв. ред. Г. Ф. Юмарт. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 1984. – 352 с.

Статья поступила в редакцию 21.11.2024

REFERENCES

1. Arakin V. D. Sopotavitel'naya tipologiya skandinavskih yazykov. – М. : Vysshaya shkola, 1984. – 136 s.
2. Ashmarin N. I. Slovar' chuvashskogo yazyka : v 17 t. – Cheboksary : Russika, 2000.
3. Borisova L. V., Ivanova A. M., Chueva E. V. Konceptual'naya oppozitsiya «pravda – lozh» v chuvashskoj i russkoj yazykovyh kartinah mira // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2024. – Т. 17, № 7. – S. 2518–2523. – DOI 10.30853/phil20240358.
4. Borisova L. V., Il'ina G. G., Chueva E. V. Predvaritel'nyj obzor chuvashskogo demoniuma // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2021. – № 3. – S. 38–48. – DOI 10.17223/18137083/76/3.
5. Borisova L. V., Ivanova A. M., Chueva E. V. Rerezentaciya klastera «odezhda» v russkoj i chuvashskoj yazykovyh kartinah mira // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2023. – № 2. – S. 92–100. – DOI 10.20916/1812-3228-2023-2-92-100.
6. Borisova L. V., Ivanova A. M., Chueva E. V. Somatizmy v yazykovom modelirovanii mira (na materiale russkogo i chuvashskogo yazykov) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2024. – № 1. – S. 90–101. – DOI 10.20916/1812-3228-2024-1-90-101.
7. Borisova L. V. Chuvashskaya yazykovaya kartina mira: podstupy k rekonstrukcii i issledovaniju : monografiya. – Cheboksary : Izd-vo Chuvashskogo un-ta, 2021. – 171 s.
8. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – М. : Progress, 2000. – 400 s.
9. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda : v 2-h t. Т. 1. – М. : Hudozhestvennaja literatura, 1989. – 431 s.
10. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda : v 2-h t. Т. 2. – М. : Hudozhestvennaja literatura, 1989. – 447 s.
11. Russkie poslovitsy i pogovorki / M. A. Rybnikova ; Akad. nauk SSSR, In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. – М. : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961. – 229 s.
12. Slovar' russkih narodnyh govorov / Akad. nauk SSSR, In-t russ. jaz. ; pod red. F. P. Filina. – Vyp. 2. Ba – Blaznit'sja. – Leningrad : Nauka, 1966. – 314 s.
13. Slovar' russkih narodnyh govorov / Akad. nauk SSSR, In-t russ. jaz. ; pod red. F. P. Filina. – Vyp. 6. Vyrostok – Gon. – Leningrad : Nauka, 1970. – 358 s.
14. Slovar' russkih narodnyh govorov / Akad. nauk SSSR, In-t russ. jaz. ; pod red. F. P. Filina. – Vyp. 13. Kalun – Kobza. – Leningrad : Nauka, 1977. – 358 s.
15. Slovar' russkih narodnyh govorov / Akad. nauk SSSR, In-t russ. jaz. ; pod red. F. P. Filina. – Vyp. 15. Kortusy – Kudeljushki. – Leningrad : Nauka, 1979. – 399 s.
16. Slovar' russkih narodnyh govorov / Akad. nauk SSSR, In-t russ. jaz. ; pod red. F. P. Filina. – Vyp. 16. Kudelja – Lesnoj. – Leningrad : Nauka, 1980. – 376 s.
17. Slovar' russkih narodnyh govorov / Akad. nauk SSSR, In-t russ. jaz. ; pod red. F. P. Sorokoletova. – Vyp. 24. Osets' – Otchurat'sja. – Leningrad : Nauka, 1989. – 367 s.
18. Slovar' russkih narodnyh govorov / Akad. nauk SSSR, In-t russ. jaz. ; pod red. F. P. Sorokoletova. – Vyp. 25. Otchurit' – Pervachok. – Leningrad : Nauka, 1990. – 352 s.
19. Slovar' russkih narodnyh govorov / RAN, In-t russ. jaz. ; pod red. F. P. Sorokoletova. – Vyp. 27. Pechechki – Podelyvat'. – SPb. : Nauka, 1992. – 400 s.
20. Slovar' russkih narodnyh govorov / RAN, In-t lingv. Issledovanij ; pod red. F. P. Sorokoletova. – Vyp. 33. Protka – Razluka. – SPb. : Nauka, 1999. – 361 s.
21. Slovar' russkih narodnyh govorov / RAN, In-t lingv. Issledovanij ; pod red. F. P. Sorokoletova. – Vyp. 42. Strizh – Suhlovina. – SPb. : Nauka, 2008. – 330 s.
22. Slovar' russkih narodnyh govorov / RAN, In-t lingv. Issledovanij ; pod red. F. P. Sorokoletova. – Vyp. 46. Tychak – Uzholja. – SPb. : Nauka, 2013. – 349 s.
23. Slovar' russkih narodnyh govorov / RAN, In-t lingv. Issledovanij ; pod red. S.A. Myznikova. – Vyp. 47. Uzhom – Uros. – SPb. : Nauka, 2014. – 352 s.
24. Slovar' russkogo jazyka : v 4-h t. Т. 1. А – J / Akad. nauk SSSR, In-t russ. jaz. ; pod red. A. P. Evgen'evoj. – М. : Russkij jazyk, 1985. – 696 s.

25. Slovar' russkogo jazyka : v 4-h t. T. 2. K – O / Akad. nauk SSSR, In-t russ. jaz. ; pod red. A. P. Evgen'evoj. – M. : Russkij jazyk, 1986. – 736 s.
26. Slovar' russkogo jazyka : v 4-h t. T. 4. S – Ja / Akad. nauk SSSR, In-t russ. jaz. ; pod red. A. P. Evgen'evoj. – M. : Russkij jazyk, 1988. – 800 s.
27. Frazеologicheskij slovar' russkogo jazyka / sost. A. N. Tihonov, A. G. Lomov, L. A. Lomova. – 3-e izd., stereotip. – M. : Russkij jazyk – Media, 2007. – 334 s.
28. Chuvashsko-russkij slovar' / pod red. M. I. Skvortsova. – M. : Russkij jazyk, 1985. – 712 s.
29. Chavash halah pultarulahe. Vattisen samahesem / puhsa haterleni O. N. Terent'eva. – Shupashkar : Chavash keneke izd-vi, 2007. – 493 s.
30. Chavash halah samahlahe : 6 t. T. 3 Jurasem / otv. red. G. F. Jumart. – Shupashkar : Chavash keneke izd-vi, 1978. – 512 s.
31. Chavash halah samahlahe : 6 t. T. 5 Vak zhanrsem / otv. red. G. F. Jumart. – Shupashkar : Chavash keneke izd-vi, 1984. – 352 s.

The article was contributed on November 21, 2024

Сведения об авторе

Григорьева Евгения Андрияновна – аспирант кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0009-0008-1715-0204>, zhenya24.98@mail.ru

Author Information

Grigoryeva, Evgenia Andriyanovna – Post-graduate Student, Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0009-0008-1715-0204>, zhenya24.98@mail.ru